

змеиные пути расселения коммуналки в смердящем доме на болоте. Жизнь удалась? А то! Немыслимыми правдами и неправдами, о которых лучше самому прочесть в этой замысловатой истории московского нежития, герою удастся победить кошмары подземного мира и, как в сказке, выйти живым и преображенным из тяжелых испытаний.

Собственно, вся затейливая история сия направлена на преодоление названия: «*Нежить*». *Не жить? Нет, жить и побеждать!* Ибо, может быть, лишь в этом и состоит смысл нашего всеобщего пребывания «*на краю небытия*». Однако ключевое для подземного мира словечко «нежить» разветвляется разными смыслами, означая некую границу (не)бытия и разделяя нижний и верхний его миры. «Когда вертикаль духа разрушена, когда с неба ушел сторож, наблюдавший за Россией, то рухнули все скрепы». Произошедший раскол и влечет торжество нежити, коя по Далю есть «все, что не живет человеком, что живет без души и плоти, но в виде человека».

Густо населенный нежитями подземный мир, в котором барахтаются в житейских нечистотах алкаши и бандюги, шлюхи и мошенники, противопоставлен в повести миру Большого времени — героям семейной хроники автора, жившим духовными ценностями и заслужившим бессмертие в его памяти. Босховский карнавал Хаоса постепенно вытесняется светлым ликом Мадонны с младенцем — жены с дочерью, ради которых и вступает в сражение с нежитями герой. В аллегорическом плане это сражение было воспринято критикой как трагедия нашей интеллигенции, брошенной государством в разлом 90-х на волю бесчеловечных сил.

Да живем ли мы или вовсе не живем, если вынуждены заниматься постоянной бытовухой и мелочной борьбой за существование? Если барьер между миром духовным и низменно-телесным столь непреодолим, если заборы между социальными стратами столь охраняемы и если существование пишущего и мыслящего человека вытеснено в некое интеллектуальное гетто, имеющее мало общего с махровым торжеством плотской материи?! В этом, может быть, основной, остросоциальный смысл фантазмагии от воскресшего из нежити и — всей новой книги современного философа и писателя.

Алла БОЛЬШАКОВА

УСТРОЙСТВО СТИХА

Владимир Пучков. Косточка мира. Владимир, 2017.

«Устройство» — объяснимо, но почему же «стиха», а не стихов? А дело все в том, что, читая сборник избранного, все больше убеждаешься, что поэт пишет будто бы одно, но очень большое стихотворение, не отвлекаясь по ходу письма на другие многочисленные и различные темы. Стихи В. Пучкова образуют внутренне целостное единство, поэту надо мысль разрешить: человек и окружающий мир, где *и прохладен свет, и земля тверда*; окружающий мир и Бог, где *Акустический холод ночного леса...*; Бог и человек (*Меня прислали, словно очевидца*). Обозначение «Бог» часто встречается в стихах поэта, и это не случайно. Под этим словом подразумевается великая тайна бытия, почему и отсутствует разъяснение, тайна должна оставаться тайной.

Устройство стиха, каково оно, в чем заключается? Ответим так: это природный мир и в конце — афоризмом или почти афоризмом — итоговая мысль. *И прекрасен мир, — только это значит, / Что звучит он слитно, а не отдельно!; То же самое спросишь — тебе ответит / За давно ушедших, за вновь идущих; И прохладен свет, и земля тверда, / И ключами ходит по ней вода. / И мелькают птицы, боясь присесть, / Слово видно им, что за этим есть.* Поэтический афоризм особый. Он начинает жить отдельно от

стиха, но и в стихе он на своем законном месте, итожит строфу. Замечательно сказано: *Даже если неба совсем немножко, / все равно его бесконечно много!* Вот еще находка: *бережные руки: И кто поднимет нас на бережных руках, / Когда пройдем с тобой последние ступени?* Афоризм бывает развернутым: *Я был глазами мира, глубиной / Его зрачка, всех тайн его искомым! // Я видел, как клубятся облака, / И то, что заставляет их клубиться. / Как будто в этот мир издалека / Меня прислали словно очевидца.* Афоризмы выразительны, но им предшествует — одно из общих, а потому и пустоватых слов: природа, представленная, однако, в новом ключе. Присмотримся, взяв теперь первые строки стихов: *Мы спим в середине пространства, в куске синевы...; Капли падают врозь, чтоб собраться вместе; Акустический холод ночного леса...; Голография зимы, ледяной гиперлоид...; Как вмерзает в полярную ночь «Седов»...; Небо ночное, сухая морозная ветвь...; Темные тени стоят на воде, как волхвы.* Это Россия, наша русская природа, русская зима, столь своеобразно, по-своему отраженная в поэзии Владимира Пучкова.

Устройство стиха касается и его объема. Из 128 стихов сборника 60 — двустрофные, 39 — трехстрофные. Почти каждый второй стих состоит из двух строф, и почти каждый третий — из трех. На малом пространстве острее видишь «природу» Пучкова: *побережье ночи, державный воздух, как рябит река сквозь осинник редкий...* Если учесть, что многие заканчиваются строками-итогами, то такой подход весьма обязывает поэта к концентрации мысли: *Не река блеснула, не птица пела — Просто Божий свет шевельнул страницы.*

Когда основной корпус сборника очерчен, определен, особую значимость приобретают стихи, выпадающие из списка, но тем самым утверждающие его суть. Здесь, конечно же, обращает на себя внимание стихотворение: «Я однажды залез на чердак». Особо не раскрывается, что он там увидел, но каждый из нас знает, сколько таинственных, но ненужных сейчас предметов хранится на чердаках. Вещи живут дольше людей и сохраняют свою и нашу память. Получается, не только природа имеет множество невоспетых предметов (*Я сущее люблю, будь это мишистый камень, / Растущий из травы, или сама трава*), но и обычная человеческая жизнь тоже создает свое наполненное предметами пространство. А страшует все это кто же? Вчитаемся: *Значит, этим кончается время — / Душной рухлядью на чердаке? / Но звезда, что возшла в Вифлиеме, / Не тускнея, горит надо всеми, / Как фонарик в Господней руке!*

Каждое правило парадоксально подтверждено своими исключениями. И дело здесь не только в характере описываемого пространства. Редко, но бывает, что главное сверкает в центре стиха. Например, в стихотворении «Когда взглянуло небо на меня» в середине стоит: *«Я увидал лицо твое, гроза!»* В центре другого стиха ну очень простая мысль, буквальная, однако для поэзии редкая: *Только здесь и поймешь, что самое дорогое — / Это просто жить. В провинции ли, в столице.* По тем фрагментам, что мы уже приводили, можно заключить, что Владимир Пучков больше пишет о зиме, о холоде. И вдруг как открытие: *И по ночам могучая земля, / Как печка, прогревает дом до крыши.* Тепло становится, ощущается это тепло. А в первой строфе «висит» примета: *И на двери подкова, как намек / На будущее маленькое счастье.*

«Исключения» касаются и частных моментов. Так, у В. Пучкова встречаются однородные ряды слов, например, ряд, состоящий из девяти наименований: *Он настоян на щекоте, шорохе, шелесте, свисте, / На проклятиях, клятвах, молитвах, мольбах и угрозах...* Изредка имеет место повторение строк: *Я живу на окраине, белой от раннего снега... Я живу на окраине. Черные галочки гнезда... Я живу на окраине. Здесь и со звездами ближе...* Но для сборника это, повторим, скорее яркие исключения, нежели авторская особенность. Валерий Скорбилин заметил интерес Пучкова к перечислительным рядам, начинающимся с союза «и». Приведем полностью одно такое стихотво-

рение: *И скошенным солнцем раскинулись длинные травы, / И тень, как Овидий, бредет по колючей стерне, / И море далеко, но дух океанской приправы, / Как соль, проступает на красной кирпичной стене. // И зреют леса, где скрывается Гиперборея, / И свечи не гаснут, но пламя, сорвавшись, парит. / И только могучие сосны стоят, не старея, / И море далеко, но шум его в кронах царит.* Казалось бы, начальное «и» можно повторять и повторять еще и в других стихах, но поэт скуп на свои находки.

В телефонном разговоре 31 декабря 2018 года кандидат филологических наук Янис Манукян поведал мне, чем, на его взгляд, современная поэзия, поэзия последних лет отличается от предшествующей, предыдущей. Это было сказано по поводу «Дня поэзии-2017». Поэзия отказывается от постмодернизма и идет к неоромантизму, у нее меняется парадигма, играет иная территория памяти. Даже у молодых авторов маловато любви в стихах (на такое «отсутствие любви» я тоже обратила внимание). И в этом плане, добавим, поэзия как мелкая моторика мысли будто бы опережает прозу. Наш разговор совпал с моментом подготовки этой рецензии. Поэтика Владимира Пучкова сложна, но поэт, скорее, неоромантик, ему чуждо обращение к другим текстам, аллюзии прочитанного, услышанного, но отказ от этого не означает легкости освоения того, что вокруг, что, как оказывается, до сих пор никем не освоено.

Что же мы предприняли? Выписали из сборника то, что особенно нам понравилось, что запало в память. *Легкая тайна, стремительная, как рысь, / Ходит за нами и пьет из наших следов!; А слово — из других оно глубин, / Древнее мира и трудней искусства!; ...и знает стрелок, что мимо / Пуля не пролетит. Но, выбирая цель, / Ты выбираешь сам сопротивление мира.*

Сборник получился. Он называется «Косточка мира». Косточка, в которой будущее, но которую трудно расколоть. *Это — цепкая моя злость, / Это — жизнь, которой учусь!*

Вера ХАРЧЕНКО

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЭДИПУ

Кругосветов Саша. Клетка. М.: Интернациональный Союз писателей, 2018. — 368 с. (Серия «Золотые пески Болгарии»).

Внимательное прочтение неудачно, на мой взгляд, изданной и оформленной книги (я имею в виду техническую сторону и с болью обращаюсь к издательству: ну, нельзя, нельзя, друзья мои, художественную литературу заворачивать в *низкопробную* «детективную» обложку да еще и потчевать нас таким мелким шрифтом! Это полиграфическое преступление, которое — по опыту знаю — сразу отторгнет от текста половину читателей, что не может не вызвать моего сожаления), так вот, внимательное прочтение «Клетки» — процесс длительный и, сразу оговорюсь, нелегкий. Короче, «Клетка» — не для любителя провести вечерок-другой в соседстве с торшером для отвлечения от унылостей будничной жизни. Вот почему не сомневаюсь — любители приятной «вечерней литературы» отложат ее уже на пятой-шестой странице и к ней уже более не вернуться: у почитателей историй в стиле Донцовой есть на это все основания. И правда, зачем задумываться над подобным текстом и портить себе настроение? А настроение ведь действительно будет испорчено!

Ибо кругосветовская «Клетка» (хотел ли этого автор или нет) создана для далеко идущих и весьма грустных выводов.

По большому счету любой, даже самый толстый роман можно пересказать в двух-трех фразах. Рискну подобное сделать, чтобы ввести заинтересовавшихся вступление